

ББК 67.512

А.С. Князьков

Тактико-криминалистические цели и задачи получения и использования информации о личности обвиняемого при производстве следственных действий

A.S. Knyazkov

Tactical and Criminalistic Purposes and Goals to Achieve and to Use Personal Information about the Accused during Investigatory Procedures

Рассматриваются вопросы, связанные с реализацией криминалистических целей и задач получения и использования сведений о личности обвиняемого в ходе следственных действий. Отмечается необходимость акцентирования внимания на конструировании тактических приемов, специально предназначенных для изучения личности обвиняемого. Предлагаются отдельные алгоритмы изучения личности обвиняемого в ходе производства следственных действий.

Ключевые слова: личность преступника, личность обвиняемого, источники (формы) изучения личности обвиняемого, цели и задачи изучения личности обвиняемого.

In this article the author considers questions related to realization of criminalistic purposes and goals to achieve and to use personal information about the accused during investigatory procedures. The paper notes the necessity to pay attention to construction of tactical methods, specially intended to studying personality of the accused. The author proposes some algorithms to study personality of the accused during procedure of investigatory actions.

Key words: personality of a criminal, personality of the accused, sources (forms) to study personality of the accused, purposes and goals of studying personality of the accused.

Устоявшимся является положение о том, что задержание сведений о личности обвиняемого предполагает выделение двух направлений ее изучения: первое из них решает задачу раскрытия преступления, т.е. поиска совершившего преступление лица; второе – задачу познания свойств конкретного субъекта, в отношении которого осуществляется уголовное преследование [1, с. 67].

Решение первой задачи может быть осуществлено путем использования небольшого круга сведений об анатомических, биологических (например состава крови для выявления заболеваний, характерных для определенного региона) (М.Н. Зубцова) и отчасти психологических свойствах личности преступника, получивших отражение в идеальных и материальных следах преступления (О.Н. Сафаргалиева). Реализация второй задачи невозможна без самого широкого круга знаний о тех или иных свойствах его личности, которые могут быть использованы для применения наиболее эффективных тактических приемов, а также преодоления противодействия предварительному расследованию (М.И. Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов).

Глубина криминалистического исследования личности преступника видна при сравнении понятий «субъект преступления» и «личность преступника»:

последнее является более емким и раскрывается через социальную сущность лица, а также сложный комплекс характеризующих его признаков, свойств, связей, отношений; нравственный и духовный мир, во взаимодействии с индивидуальными особенностями и жизненными фактами, лежащими в основе преступного поведения (Е.Н. Холопова). Однако можно встретить и упрощенное криминалистическое понимание личности преступника. Так, А.В. Шмонин пишет: «Личность преступника – любое физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступного деяния возраста уголовной ответственности» [2, с. 171]. Это определение отражает уголовно-правовые признаки общего субъекта преступления, причем только один признак – возраст.

Следует указать на иные теоретико-прикладные аспекты рассматриваемой категории. Так, например, исследование вопроса о характере последующего этапа расследования преступления невозможно без учета личности обвиняемого, поскольку основное содержание этого этапа определяется необходимостью получения и использования сведений о данном лице. Это получает выражение в подготовке и производстве различных следственных действий с участием обвиняемого (допрос, очная ставка, следственный эксперимент, проверка показаний на месте и т.д.), а также

следственных действий, в которых он не участвует, но при производстве которых учитываются сведения о его личности. В качестве примера можно назвать допрос потерпевших, находящихся в материальной и иной зависимости от обвиняемого.

О важности информации, касающейся личности подозреваемого и обвиняемого, свидетельствует выделение в структуре следственной ситуации в качестве ее отдельной части психологического компонента [3, с. 181–182].

Некоторые положения учения о личности преступника обоснованно используются при рассмотрении вопросов тактических операций. Отмечается, что в числе составляющих тактической операции может быть задача, направленная на получение и анализ полномасштабных данных, касающихся личности участников противодействия расследованию: личностная и социальная ориентация, психологическое и физиологическое состояние, потенциальные возможности интеллекта и профессиональные данные, используемые обвиняемым для оказания противодействия расследованию (Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин). Кроме того, возможно производство тактической операции, промежуточным объектом которой являются источники (носители) информации о личности преступника (Л.Я. Драпкин, К.Г. Иванов, Н.В. Воронцова).

Криминалистическое исследование личности обвиняемого в процессе раскрытия и расследования преступления предполагает наличие соответствующих познавательных средств: к такому «инструментарии» нередко относят методы, научно-технические средства и уголовно-процессуальную форму (П.П. Цветков). Наиболее точным является различие таких атрибутов познания личности обвиняемого, как источники информации о нем, пути и способы ее получения (методы криминалистического изучения личности), процессуальные формы закрепления и оценки собранных данных [1, с. 95].

В отличие от события преступления, которое всегда является обстоятельством прошлого, в отношении личности обвиняемого выясняется характеризующая его информация в период времени до совершения преступления, в момент его совершения, после него, в том числе во время производства расследования. В последнем случае, когда личность преступника установлена, она может быть опосредованно и непосредственно изучена следователем.

На наш взгляд, в соответствии с направлениями поиска информации о личности преступника, ее источники (формы) могут иметь следующий вид.

1. Криминалистическая характеристика преступления определенного вида (группы преступлений). При назывании данного источника подчеркивается, что информация о личности преступника, представляя собой особым образом структурированную модель, в наибольшей мере является необходимой на персона-

льном этапе расследования [4, с. 118]. Разумеется, следует учитывать, что в силу сущности модели представляемая ею информация носит ориентирующий характер [5, с. 92]. Путем использования указанного источника могут быть получены сведения, одинаково важные как для поиска неизвестного преступника, так и для изучения личности обвиняемого (подозреваемого). Наиболее значимой для целей раскрытия и расследования преступления такая типизированная информация будет являться в ситуации, когда личность преступника неизвестна. Подчеркивая важность криминалистической характеристики преступления, отдельные авторы рассматривают ее как теоретическую основу выдвигаемых в ходе расследования преступлений следственных версий (Л.Я. Драпкин, Е.А. Бородин).

2. Следственные действия, в том числе с участием подозреваемого, обвиняемого. Посредством реализации данного алгоритма также могут быть получены сведения и об известном, и о неизвестном преступнике.

3. Иные уголовно-процессуальные действия, например истребование справок, характеристик, других документов, а также предметов.

4. Оперативно-разыскные мероприятия.

На наш взгляд, каждый из названных источников (каждая из форм) имеет то или иное тактическое значение. Методологически правильным будет рассмотрение вопроса о тактическом значении того или иного источника изучения личности в контексте взаимосвязи его с другими источниками.

Общей чертой показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых является их обусловленность следовой картиной происшествия, фрагменты которой были ими восприняты.

Так, показания свидетеля являются важным источником информации о личности обвиняемого и потерпевшего. Следует согласиться с предложением о целесообразности производства в определенных случаях допросов, в рамках которых решается преимущественно одна криминалистическая задача – изучение личности обвиняемого [4, с. 189].

При осмотре места происшествия исследуются проявления свойств личности преступника, получивших о вещественное отображение. Преступление как акт сознательной деятельности не может не отразиться в своих результатах свойства личности преступника. Задача заключается в том, чтобы увидеть, выявить, уяснить взаимосвязь и показать объективные признаки проявленных свойств. Важность материальных следов преступления как источника сведений о биологических, социальных и психологических свойствах личности предполагает их классификацию, одна из которых различает: традиционные трасологические следы; следы биологического происхождения; микрообъекты; следы в виде наличия или отсутствия пред-

метов (О.Н. Сафаргалиева). Соответственно, можно говорить о криминалистической характеристике личности преступника, под которой понимается система данных о лице, совершившем преступление, которые способствуют его поиску и изобличению [6, с. 23].

Распространенным является взгляд, в соответствии с которым выяснение психологических особенностей личности преступника (другими словами – построение его поисковой модели) при осмотре места происшествия должно быть следующим: от следов преступления как элемента обстановки происшествия – к способу совершения преступления, от него – к детерминировавшим выбор способа факторам, а от последних – к личности преступника (В.Т. Батищев, Я.Н. Валежникова).

Представляется, что данное утверждение требует уточнения. Говоря о взаимосвязи и взаимообусловленности таких элементов криминалистической характеристики преступления, как личность преступника, обстановка преступления, а также способ подготовки, способ совершения и способ сокрытия преступления, необходимо сказать, что следователь при изучении личности преступника в ходе осмотра места происшествия имеет дело не с линейной структурой движения информации, а со своеобразными «многогранниками взаимосвязи». Каждый из образующих его элементов может быть правильно установлен (синтезирован) лишь в результате анализа и оценки взаимосвязи образующих данный «многогранник» элементов. Причем речь должна идти о таком анализе, который не ставит своей целью раздельное последовательное изучение способа, обстановки, личности, а напротив, требует постоянного движения мысли от возможных проявлений любого из элементов криминалистической характеристики преступления относительно иных его элементов.

Таких «многогранников взаимодействия», получающих свое отображение в «следовой картине», может быть несколько, что определяется спецификой расследуемого преступления.

В логическом виде такой анализ сводится к решению следующих вопросов: во-первых, о том, в какой мере личность преступника предопределила возможность и необходимость избрания подготовительных действий; во-вторых, в какой мере она обусловила избрание именно такого, а не иного способа подготовки; в-третьих, не предопределен ли жестко выбор соответствующего способа подготовки преступления самой обстановкой преступления.

Аналогичным образом должен быть проведен анализ следующей логической цепочки: в какой мере личность преступника предопределила способ его действия на месте преступления; в какой мере обстановка происшествия способствовала или затрудняла реализацию выбранного лицом преступного способа? В том случае, когда следователь имеет дело

с ситуацией, при которой обстановка вынудила, судя по материальным следам преступления, видоизменить способ совершения преступления, анализ «следовой картины» позволяет ответить на вопрос о некоторых личностных свойствах посягавшего: преступном опыте, целеустремленности, интеллектуальном уровне, возрасте и т.п. Так, например, многократный перебор действий, направленных на преодоление преграды, в соотношении со степенью ее укрепленности позволяет прийти к тому или иному выводу о преступном опыте посягавшего.

Анализ следователем третьей логической цепочки дает возможность найти ответы на следующие вопросы: во-первых, в какой мере личность преступника предопределила необходимость сокрытия преступления; во-вторых, в какой мере она обусловила выбор проявившегося способа сокрытия преступления; в-третьих, не предопределены ли жестко выбор способа сокрытия либо отсутствие сокрытия преступления обстановкой преступления или имеющимися криминалистически значимыми связями между личностью преступника и личностью потерпевшего?

При анализе взаимодействия и взаимообусловленности элементов криминалистической характеристики преступлений насильственного и корыстно-насильственного характера количество взаимодействующих элементов, позволяющих получить более или менее полные и точные знания о личности преступника, материализовавшиеся в «следовой картине», будет в определенных случаях большим. Здесь можно вести речь о следующих «многогранниках взаимодействия»: «личность потерпевшего – способ подготовки – личность преступника – обстановка преступления»; «личность потерпевшего – способ преступления – личность преступника – обстановка преступления»; «личность потерпевшего – способ сокрытия – личность преступника – обстановка преступления».

В логическом виде анализ первой конструкции сводится к выяснению вопросов, во-первых, о том, в какой мере именно личность преступника (а не личность потерпевшего) предопределила необходимость подготовительных действий; во-вторых, в какой мере именно личность преступника (а не личность потерпевшего) предопределила выбранный преступником способ подготовки преступления; в-третьих, не предопределен ли выбор соответствующего способа подготовки преступления обстановкой преступления, а если определен, то в какой мере? Разумеется, одновременно с названными будут решаться вопросы о том, в какой мере личность потерпевшего предопределила необходимость подготовительных к совершению преступления действий, выбор именно таких, а не иных действий.

Аналогично может быть проведен анализ второй логической цепочки: в какой мере личность преступника (а не личность потерпевшего) предопределила

выбор реализованного способа совершения преступления, в какой мере обстановка преступления способствовала либо препятствовала совершению преступления определенным способом? В том случае, когда следователь имеет дело с ситуацией, при которой обстановка преступления или поведение потерпевшего вынудили, судя по материальным следам преступления, видоизменить способ совершения преступления, анализ «следовой картины» позволяет ответить на вопрос о некоторых личностных свойствах посягавшего, прежде всего о преступном опыте, мотивах и цели преступления.

Наконец, анализ третьей логической цепочки дает возможность ответить на ряд весьма важных для изучения личности преступника вопросов: во-первых, в какой мере личность преступника (а не личность потерпевшего) предопределила сокрытие следов преступления; во-вторых, в какой мере она детерминировала преднамеренное, демонстративное оставление следов преступления; в-третьих, в какой мере личность преступника (а не личность потерпевшего) предопределила выбор способа сокрытия преступления; в-четвертых, в какой мере обстановка преступления предопределила возможность и выбор проявившегося способа сокрытия преступления?

Анализ рассмотренных здесь логических цепочек составляет содержание криминалистических целей следственного действия, которые по определению не могут быть отражены в протоколе следственного действия, поскольку представляют собой суждения должностного лица. По этой причине возможности непосредственного отображения психологических свойств личности преступника в протоколе осмотра места происшествия являются ограниченными. Таким образом, следователь имеет дело с психологической моделью личности преступника, существующей умозрительно, не получающей своего полного отражения в протоколе следственного действия. Наряду с этим, протокол осмотра места происшествия с точки зрения решения его следственных задач предоставляет неограниченные возможности для наглядного отображения физических свойств личности преступника.

Данное положение, однако, не должно приводить к мысли о том, что в обстановке происшествия отсутствуют материальные следы, в которых проявились нематериальные свойства личности преступника. Так, например, многочисленные, беспорядочные следы ног преступника на месте ожидания им потерпевшего, которые подлежат фиксации в протоколе следственного действия, могут свидетельствовать о неуравновешенности посягающего.

Очевидно, что выявление взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики преступления, одним из которых является «личность обвиняемого», в следственном действии с участием

обвиняемого, за некоторым исключением, когда речь идет о совершении им насильственных преступлений, является весьма продуктивным.

Определенные возможности для изучения личности обвиняемого и подозреваемого представляют следственные действия, в которых тактическое воздействие направлено на личность преступника. Получаемые сведения о личности подозреваемого (обвиняемого) чаще всего подразделяются на доказательства и ориентирующую информацию: к числу последней относятся характеристики с места работы, обобщенные справки, составленные следователем по результатам изучения архивных уголовных дел, и т.п. (В.П. Лавров). С учетом различения криминалистических целей и криминалистических задач следственного действия [7, с. 478–484] определенный научный интерес представляет вопрос о процессуальных возможностях отражения сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) в соответствующих протоколах следственных действий.

При анализе тактико-криминалистических возможностей следственных действий следует учитывать положение о том, что отдельные из них позволяют реализовать полученную в процессе их производства информацию о личности обвиняемого непосредственно, сразу же, для достижения тактических задач и целей осуществляемого следственного действия (Ф.В. Глазырин).

Фрагментарное рассмотрение вопроса о существовании специальных тактических приемов отдельных следственных действий, непосредственно направленных на изучение личности их участников, ограничивается указанием на возможности психологической и других видов судебных экспертиз [8, с. 197–210]. Очевидно, исходным началом такого подхода является предположение о том, что в рамках отдельного следственного действия для познания такого объекта, как личность его участника, прежде всего обвиняемого (подозреваемого), применяются те же тактические приемы, которые позволяют получить сведения о других обстоятельствах, имеющих значение для расследования уголовного дела (И.Т. Кривошеин, Ю.П. Михальчук, М.А. Лушечкина). Так, например, отмечается существование группы организационно-тактических приемов допроса, применяемых с целью изучения личности будущего участника данного следственного действия. В то же время в числе положений, касающихся тактических приемов собственно допроса, отсутствует указание на цель (задачу) изучения личности допрашиваемого и соответствующие тактические приемы. Лишь в немногих работах, посвященных тактическим задачам следственного действия [9, с. 110], указывается такая задача, как получение и анализ данных о личности подозреваемого (обвиняемого), при этом алгоритм ее решения не указывается.

Например, участие в допросе нескольких следователей может быть продиктовано необходимостью изучения личности допрашиваемого путем наблюдения за его поведением: эта задача, причем единственная, возлагается на одного из следователей. На наш взгляд, наблюдение за поведением допрашиваемого, а также оказание как вербального, так и невербального воздействия на него должны осуществлять оба следователя (следователь и оперативный работник). В литературе отмечаются широкие возможности речевого воздействия в форме трилога, позволяющего внезапно изменить тему разговора, образовать своеобразную «коалицию», продолжить коммуникацию, что очень важно в конфликтной ситуации [10, с. 12–13]. Соответственно, выяснение личностных свойств допрашиваемого

происходит путем анализа мнений должностных лиц – участников следственного действия.

Таким образом, тактические положения изучения личности обвиняемого следует рассматривать с двух позиций. Одна из них связана с решением криминалистических задач следственного действия и получает свое отражение в процессуальной фиксации тех или иных сведений о его личности. Другая заключается в восприятии и оценке информации о личности обвиняемого, которая не может быть зафиксирована в протоколе следственного действия в силу конструкции самого действия, а определяется познавательными методами; данный аспект находит свое отражение в криминалистических целях следственного действия, а сама информация носит ориентирующий характер.

Библиографический список

1. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого (Понятие, предмет и методика изучения). – Томск, 1978.
2. Шмонин А.В. Методология криминалистической методики : монография. – М., 2010.
3. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография. – М., 1997.
4. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования : монография. – М., 2006.
5. Гавло В.К. Понятие и классификация судебно-следственных ситуаций // Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистический аспект : монография / под ред. проф. В.К. Гавло. – Барнаул, 2006.
6. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Томск, 2006.
7. Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. – Томск, 2008.
8. Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого : дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2006.
9. Комиссаров В.И., Булаева О.В. Особенности расследования убийств, совершенных по найму : монография. – М., 2009.
10. Зильберман Н.Н. Место и статус трилога в системе типов и форм речи // Вестник Томского университета. – 2009. – №328.